

УДК 930.1

DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-50-61

П.М. Головачев:
Дальний Восток в мыслях историка

Константин А. Медведев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, tesscedvcced@mail.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка изучить взгляды ответственного историка Петра Михайловича Головачева, затрагивавшего вопросы политики России на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в.

Основное место в работе отводится исследованию труда П.М. Головачева «Россия на Дальнем Востоке». Автор статьи ставит своей целью не только рассмотреть отдельные аспекты российской дальневосточной политики, поднимавшиеся историком. Большое значение отдается исследованию данного труда в рамках сложившегося интеллектуального контекста. В статье предпринята попытка выявить характерные черты российской общественной мысли в указанный период.

Изучение взглядов П.М. Головачева позволяет обозначить некоторые интеллектуальные трансформации, которые связывались с представлениями русской общественности о Дальнем Востоке. Автор статьи делает акцент на том, что историческое знание позволяло П.М. Головачеву нестандартно подойти к рассмотрению интересовавших русскую общественность вопросов. Последнее выражалось, в частности, в критике устоявшихся идей и концепций.

На основе полученных данных делается вывод о том, что труд П.М. Головачева представляет собой яркий пример проекта освоения Дальнего Востока. Появление данных проектов стало предтечей сферы знания, которая позднее получила название «геополитика».

Ключевые слова: Дальний Восток, интеллектуальная история, Петр Михайлович Головачев, политическая история, общественная мысль

Для цитирования: Медведев К.А. П.М. Головачев: Дальний Восток в мыслях историка // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 1. С. 50–61. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-50-61

P.M. Golovachev.
The Far East in the thoughts of the historian

Konstantin A. Medvedev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
meccedoecced@mail.ru*

Abstract. The author of the article makes an attempt to analyze the views of Russian historian Peter Mikhailovich Golovachev. Those views concerned issues of Russian policy in the Far East in the late 19th – early 20th century.

The basis of the article is analyzing P.M. Golovachev's treatise "Russia in the Far East". The author of the article intends not only to research different aspects of Russian Far Eastern policy raised in that treatise. The analysis of intellectual context has an equal significance. The author makes an attempt to represent specific features of Russian public thought at the turn of the ages.

Researching of P.M. Golovachev's views enables to identify several intellectual transformations concerned Russian society's visions of the Far East. The author of the article emphasizes that historical knowledge allowed P.M. Golovachev having an unconventional approach to the consideration of issues of interest to the Russian public. The latter was expressed, in particular, in criticism of well-established ideas and concepts.

The author concludes arguing that P.M. Golovachev's work was the great example of the Far East development project. The emergence of such projects became the forerunner of the sphere of knowledge, which later became known as "geopolitics".

Keywords: the Far East, intellectual history, Peter Mikhailovich Golovachev, political history, public thought

For citation: Medvedev, K.A. (2021), "P.M. Golovachev. The Far East in the thoughts of the historian", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 50–61, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-50-61

«История – это политика, опрокинутая в прошлое». Эти слова, произнесенные М.Н. Покровским, относятся к периоду становления советской исторической науки – времени, когда считалось, что исследовательская деятельность должна была тесно переплетаться с государственными задачами [Дубровский 2005, с. 126].

Между тем сочетание истории и политики отлично наблюдалось еще в дореволюционное время. Рубеж XIX–XX вв. можно охарактеризовать не только, как время существенных трансформаций исторической науки, появления новых подходов и методов

изучения событий минувших дней, но и как период активного внедрения исторического знания в сферу политики. Последнее могло выражаться в участии историков в деятельности политических партий и движений, а также в непосредственном использовании исторических знаний для ответа на интересовавшие общество вопросы политического характера.

Указанный период выделялся особым вниманием русской общественности к политике России на Дальнем Востоке. В середине XIX в. – эпохе «опиумных войн» и «открытия» европейцами Китая и Японии – данный регион находился далеко на периферии общественного сознания. Однако к концу столетия ситуация изменилась радикальным образом. Распространение знания о культурах Востока, строительство Транссибирской магистрали, аренда Порт-Артура способствовали росту популярности дальневосточной темы. Как результат, в общественной мысли все чаще можно было встретить труды, представлявшие собой проекты освоения Дальнего Востока. При этом освоение, т. е. приобщение региона к общему имперскому пространству, а также мировой «ойкумене», могло включать в себя политические, экономические и даже культурные процессы.

Круг тех, кто мог представлять собственные тезисы относительно приоритетов России на Дальнем Востоке, был довольно широк. В него входили представители дипломатических и финансовых ведомств, чиновники МИД, военные деятели, а также видные публицисты, выражавшие свое мнение на страницах газет и журналов [Рыбаченок 2012, с. 18]. И все же особый интерес в данном контексте вызывает творчество российских историков.

П.М. Головачева – уроженца г. Кузнецка Томской губернии и выпускника историко-филологического факультета Московского университета – нельзя отнести к числу наиболее известных представителей отечественной исторической науки. Впрочем, творчество историка не становится от этого менее значимым в контексте рассматриваемой проблемы. Тем более что исследователь не избегал возможности представить собственное видение насущных для общества проблем.

Основную часть творческой деятельности П.М. Головачев посвятил изучению своей «малой» родины¹. По замечанию одного из исследователей, «автор жил в Сибири, интересовался ею и принимал очень близко к сердцу все ее проблемы и нужды» [Бобылева 2010, с. 19]. Интерес к истории, географии, этнографии

¹ Головачев П.М. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М.: Издание Ю.И. Базановой: Типо-литография Товарищества «Кушнерев и К°», 1902. 300 с.

Сибири привел П.М. Головачева в ряды сторонников «сибирского областничества», рассматривавших указанный регион как особый не только в географическом, но и в культурном отношении. Одним из наиболее ярких представителей данного направления можно назвать Н.М. Ядринцева, чье творчество также оказало влияние на развитие российской общественной мысли в контексте вопросов освоения восточных владений России [Ядринцев 1892].

И все же среди многочисленных трудов П.М. Головачева один представляет особое значение в рамках настоящего исследования. «Россия на Дальнем Востоке» – работа, опубликованная историком в разгар Русско-японской войны, выражала авторский взгляд на положение, в котором оказалась Россия на берегах Тихого океана. Последний момент позволяет включить данный труд в общий перечень проектов освоения Дальнего Востока. Однако куда больший интерес представляет изучение указанного труда в рамках сложившегося в России интеллектуального контекста. Именно в этом и заключается основная цель данного исследования.

В самом начале своего труда П.М. Головачев разделил историю продвижения России на Дальний Восток на три фазиса. Первый из них был обусловлен, по мнению историка, занятием империей Приамурья в середине XIX в. Второй – фактическим занятием Маньчжурии уже в конце столетия. Третий же, «быть может, последний и окончательный» фазис движения России приходился на начало военных действий с Японией, обозначенных П.М. Головачевым не иначе, как «кровавые события»².

Хотя автор довольно четко выделял стадии дальневосточной политики России, в качестве структуры своей работы историк выбрал все же не хронологический, а проблемный принцип. Пути освоения Маньчжурии, строительство КВЖД, развитие сельского хозяйства на восточных окраинах империи – эти и другие вопросы поднимались П.М. Головачевым в контексте рассматриваемой темы. Здесь, однако, любопытно другое. Размышляя над проблемами, с которыми Россия столкнулась на берегах Тихого океана, историк нередко прибегал к весьма характерному наименованию дальневосточного региона.

Использовавшееся историком понятие «азиатский восток» (с. 5) могло служить противопоставлением ближневосточному, в том числе балканскому, региону, где Россия также проводила свою активную политику в рассматриваемый период. «Восточ-

² Головачев П.М. Россия на Дальнем Востоке. СПб.: Изд-во Е.Д. Кускова, 1904. С. 3–5 (далее ссылки на это издание даны в тексте в круглых скобках).

ный вопрос» долгое время волновал умы многих представителей российской общественной мысли. Использование термина «азиатский» позволяло П.М. Головачеву отделить уже сложившийся в сознании общества перечень проблем от тех, что предстояло решить России на своих дальневосточных границах.

В то же время данное понятие могло нести в себе еще один смысл. В начале XX столетия территория Сибири зачастую еще не отделялась русской общественностью от той части Азии, что было принято именовать Дальним Востоком [Гузей 2014, с. 21]. Обозначение «азиатский» применительно к дальневосточному региону имело под собой важный для автора культурный смысл. «Малоизвестный» (с. 5), с точки зрения историка, Дальний Восток был населен другими, а возможно, и «чужими» русскому народу культурами, что требовало соответствующих мер для укрепления позиций государства. Последнее ставило данный регион в противоположность Сибири, проблема освоения которой вызывала у П.М. Головачева куда больший интерес. В связи с этим термин «отдаленный», употреблявшийся автором по отношению к Маньчжурии, мог выходить за привычные для русской общественности географические рамки (с. 3). Так, Дальний Восток оправдывал свое наименование, поскольку населявшие его народы были далеки от народа русского в плане культурном.

Предлагая на суд общественности свой проект, П.М. Головачев не упускал возможности подвергнуть критике уже сложившиеся теории относительно освоения Россией дальневосточного пространства. Данный момент является крайне любопытным, поскольку позволяет более широко рассмотреть некоторые тенденции российской общественной мысли.

«Теоретические обоснования» русских мыслителей и публицистов по продвижению России на Дальний Восток сводились историком к двум группам. Представителей первой автор весьма иронично называл «людьми с мистической складкой» ввиду их особого внимания к провиденциальной роли империи на Востоке, а также особому «духовному родству» России с народами и культурами Азии. В этом отношении П.М. Головачев особо выделял творчество Э.Э. Ухтомского – главного редактора газеты «Санкт-Петербургские ведомости» и одного из приближенных императора Николая II.

Э.Э. Ухтомский был представителем того интеллектуального направления, которое позднее получило наименование «восточничество». Свои взгляды мыслитель выражал не только на страницах газет, но и в рамках отдельных сочинений [Ухтомский 1900], которые и привлекли внимание П.М. Головачева (с. 8).

Чрезмерная метафизичность или, используя понятие самого историка, «мистицизм» восточничества были совершенно неприемлемы в контексте определения задач России на Дальнем Востоке. Неприемлемы для П.М. Головачева были и методы, которыми восточники обосновывали культурную близость России и азиатских стран. Аналогии и сравнения, вроде почти одновременного сооружения Калькутты и Петербурга или некоторого сходства русских раскольников и индийских браминов (с. 14), являлись, по мнению историка, следствием недостаточной осведомленности о Востоке и просто «пленной мысли раздражения» (с. 16).

Как видно, скептицизм П.М. Головачева был вызван иррациональным подходом Э.Э. Ухтомского и других восточников к определению политических и иных задач России на Дальнем Востоке. По мысли историка, логические построения, тщательный анализ и комплексные теории должны были преобладать над мифическими построениями и чувственными образами. Последние имели искусственный характер и не могли должным образом определять потребности государства.

Впрочем, обращение к рациональной составляющей вовсе не гарантировало нахождения «истинных» приоритетов России на Дальнем Востоке. Это можно видеть на примере критики другой группы интеллектуалов, которая получила от П.М. Головачева наименование «политико-государственная». Весьма солидная, по мысли историка, аргументация этой категории также имела определенные изъяны, главным из которых была попытка утвердить «давние исторические задачи» России (с. 17).

«Укрепление на тихоокеанском побережье», «расширение южноазиатской границы», «овладение незамерзающими портами» были, по мнению представителей политико-государственного направления, отдельными частями обусловленного историей процесса. Процесс этот признавался естественным и подкреплялся необходимыми историческими фактами. Ведь со времени покорения Казанского ханства и присоединения Сибири при Иване Грозном Россия неуклонно шла на Восток (с. 30).

Слепое обращение к истории, по мнению П.М. Головачева, также не могло служить определяющим мотивом российской дальневосточной политики. История давала необходимые знания, но не позволяла проследить закономерности. Историческому опыту автор противопоставлял контекст. Если Россия издревле стремилась к приобретению незамерзающего порта, это вовсе не означало, по мысли историка, что то же самое она должна была осуществлять на Дальнем Востоке. В этом случае процесс был вовсе не естественным, как то считали представители политико-государственного

направления, а искусственным, т. е. созданным самими людьми вне зависимости от имевшего место положения дел. Опыт истории мог использоваться для более четкого понимания текущего момента, но никак не для выработки далекоидущих планов. Отсюда и фактическая констатация П.М. Головачевым «исторического разрыва», произошедшего в контексте русско-японского конфликта, когда военные действия на берегах Тихого океана резко оборвали планы дальневосточной политики России (с. 57).

Однако внимание к контексту вовсе не означало отказ П.М. Головачева от выдвижения собственных теорий, которые могли бы выделить иные закономерности внешней политики любого государства. «Интересы будущего», «интересы будущих поколений», по мысли историка, были всего лишь бессодержательными фразами. “*Salute populi*”, блага народа, которые могли заключаться лишь в «интересах текущего момента», в действительности должны были находиться в поле зрения государства (с. 18–19).

Последний момент представляется довольно любопытным. Проекты освоения Дальнего Востока можно назвать предтечей той сферы знания, которая позднее получила наименование «геополитика». К одной из устойчивых компонент геополитического подхода современные исследователи привыкли относить представление о международных отношениях как об объективном эволюционном процессе [Рыбаченок 2012, с. 16]. В случае П.М. Головачева также можно видеть попытку изолировать внешние, а также внутренние интересы государства от субъективной составляющей. Всякая политика должна была строиться на объективных, независимых от человеческого фактора, основаниях. Отсюда становятся понятны и слова историка: «...ни одно поколение не имеет ни права, ни возможности навязывать следующим каких-либо определенных целей и задач в темной области таинственного будущего» (с. 19). Ведь нынешнее поколение было неспособно объективно смотреть на те вызовы, с которыми Россия, или какое-либо другое государство, столкнется через некоторое время.

Борьба с аксиомами, закономерностями, постулатами, которые сложились в сознании русской общественности относительно дальневосточной политики России, все же вынуждала П.М. Головачева самому выделять определенные закономерности в процессе развития государства. Наиболее отчетливо это можно видеть при обозначении историком сущности последнего.

Характерной особенностью общественной мысли в рассматриваемый период было представление о государстве, а также о населявших его народах как о живом организме. Всякий живой

организм имел стадии рождения, развития, увядания и смерти. Не стала исключением и Россия.

Чтобы начать самостоятельную, «самодовлеющую» жизнь, политическому организму необходимо и достаточное количество его живых составных частей... т. е. людей, подданных, и достаточный внешний простор для деятельности этих живых единиц (с. 21).

Органическая концепция подводила П.М. Головачева к мысли, что все действия государства, а также все его элементы должны были зависеть от «естественных», т. е. свойственных объективной реальности, факторов. В связи с этим становится понятным стремление историка к поиску столь насущных для России «естественных границ» – рубежей, по достижении которых государство смогло бы обеспечить оптимальное и безопасное существование. При этом понятие «естественные границы» вовсе не замыкалось на географических категориях, вроде высоких гор и широких рек, которые могли бы служить отличным оборонительным рубежом. Всякому государству следовало расширяться «в силу закона наименьшего сопротивления» (с. 22), которое обеспечивалось различными факторами, включая культурный и климатический. Если государство было неспособно должным образом удержать, а самое главное, освоить присоединяемый регион, то выбранный им путь, по мнению П.М. Головачева, нельзя было назвать объективным: «...когда же нет указанных условий для естественного территориального роста государства, то за известными пределами наступает также естественный процесс распада» (с. 22).

В этом отношении П.М. Головачев был вынужден констатировать, что проводимую Россией политику на Дальнем Востоке нельзя было назвать «естественной». «Естественной» же она не являлась потому, что многие процессы, в том числе экономического характера, имели в России «беспримерно-искусственный» характер (с. 194). Империя была совершенно не готова отстаивать свои позиции на берегах Тихого океана. Разрыв между интересами высшей власти и народными нуждами свидетельствовал о невозможности следовать объективным элементам внешней и внутренней политики (с. 215). “*Salute populi*” оставались на периферии внимания русской бюрократии. Отсюда фактическое признание автором искусственности Русско-японской войны, которая, ко всему прочему, как ни один конфликт до этого оказывала влияние на экономическое состояние государства (с. 193).

Отличительным моментом проектов освоения Дальнего Востока было то, что их конструирование редко выходило за рамки

консервативного дискурса. Применительно к творчеству П.М. Головачева можно видеть некоторое исключение из этого правила. Конечно, представлявшиеся историком тезисы нельзя назвать радикальными. П.М. Головачев не упоминал об особой роли самодержавия в контексте реализации внешней политики империи в Азии, что было свойственно Э.Э. Ухтомскому, но и никоим образом не подвергал данное положение сомнению. При этом автор труда «Россия на Дальнем Востоке» не ставил под сомнение и общее направление внешней политики империи, говоря лишь о некоторой «искусственности» и ненужности применявшихся мер, вроде строительства КВЖД (с. 188).

Тем не менее некоторые положения П.М. Головачева выделялись на фоне иных проектов. Так, фактически избегая темы «противника» России на Дальнем Востоке, столь популярной в российской общественной мысли, историк сосредотачивал основное внимание на внутренних условиях успешной внешней политики. Обращение к европейскому опыту освоения колоний, а также к тезису о «началах законности», необходимых для успешного развития государства, также позволяет назвать данный «проект» в определенной мере уникальным. Дальневосточная проблема России, в соответствии с положениями историка, могла разрешиться сама, если бы империя смогла разрешить свои внутренние проблемы.

Таким образом, работа П.М. Головачева была примечательна не только тем, что представляла комплексный проект освоения Дальнего Востока, но также тем, что обозначала многочисленные трансформации, происходившие в российской общественной мысли на рубеже XIX–XX вв. Одна из этих трансформаций касалась восприятия русской общественностью дальневосточного пространства.

Последнее характеризовалось распространением в общественном дискурсе понятия «наш Дальний Восток». Хотя Россия еще в середине XIX в. смогла добиться вполне устойчивых границ на берегах Тихого океана, в общественном сознании отсутствовало четкое представление о «российском» Дальнем Востоке. Владения империи на берегах Тихого океана могли быть столь же «чужими» и столь же «своими», как и огромные территории, лежавшие за пределами установленного фронта. Иными словами, русское Приамурье было во многом столь же далеким и непонятым для русской общественности регионом, как и китайская Маньчжурия. Соответственно, непонятым было и то, где должны были проходить границы империи на Дальнем Востоке, а также что именно представлял собой указанный регион. С течением времени представления о «нашем Дальнем Востоке», сформировавшиеся под влиянием ряда политических, экономических и социокультурных

процессов, позволили русской общественности четко обозначить владения России в регионе, а впоследствии и интегрировать их в общее имперское пространство.

Хотя П.М. Головачев избегал в своей работе употребления понятия «наш Дальний Восток», нельзя не отметить сосредоточенность историка на внутренних проблемах России, в том числе касавшихся освоения уже занятого империей пространства. Впрочем, подобная риторика могла быть вызвана и недостаточным вниманием со стороны государства к освоению другой, более близкой для историка, территории – Сибири.

Работа П.М. Головачева выделялась и явным отходом ее автора от использования «исторического опыта» в качестве аргумента для реализации политики России на Дальнем Востоке. Исторический процесс не представлялся П.М. Головачеву непрерывным явлением. В то же время сам историк не избегал возможности отметить определенные закономерности в развитии любых государств и народов, что привело его к мысли о «естественных границах» на Дальнем Востоке.

Нельзя сказать, что творчество П.М. Головачева было абсолютно уникальным для своего времени. Более того, оно прекрасно показывало происходившие в рамках общественной и научной мысли перемены. Перемены, выражавшиеся в появлении новых подходов к изучению окружающей действительности. Постановка и решение конкретных проблем постепенно замещали собой стремление к поиску нерушимых законов, что было особенно характерно для исторического знания. Изучение контекста стало превалировать над историческим опытом, а сложные, основанные на исследовании огромного количества данных, схемы заменяли собой простые. Последнее, в свою очередь, способствовало появлению новых сфер знания, одной из которых и стала «геополитика».

Источники

Головачев П.М. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М.: Издание Ю.И. Базановой: Типо-литография Товарищества «Кушнерев и К°», 1902. 300 с.

Головачев П.М. Россия на Дальнем Востоке. СПб.: Изд-во Е.Д. Кускова, 1904. 216 с.

Литература

Бобылева 2010 – *Бобылева О.М.* П.М. Головачев и его работа «Сибирь. Природа, Люди, жизнь» как исторический источник по изучению повседневной жизни

- крестьян и других групп населения Сибири начала XX века // Культура. Наука. Образование. 2010. № 4. С. 17–23.
- Гузей 2014 – *Гузей Я.С.* «Желтая опасность»: представления об угрозе с Востока в Российской империи в конце XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 248 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/01007910267> (дата обращения 14 октября 2020).
- Дубровский 2005 – *Дубровский А.М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та им. акад. И.Г. Петровского, 2005. 800 с.
- Рыбаченок 2012 – *Рыбаченок И.С.* Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи и методы. М.: РОССПЭН, 2012. 582 с.
- Ухтомский 1900 – *Ухтомский Э.Э.* К событиями в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб.: Восток, 1900. 88 с.
- Ядринцев 1892 – *Ядринцев Н.М.* Сибирь, как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб.: И.М. Сибиряков, 1892. XII, 720 с.

References

- Bobyleva, O.M. (2010), P.M. “P.M. Golovachev and his work “Siberia. Nature. People. Life” as historical source of researching everyday life of peasants and other groups of Siberian population at the beginning of 20th century”, *Science. Education and Culture*, no. 4, pp. 17–23.
- Dubrovskii, A.M. (2005), *Istoriik i vlast’: istoricheskaya nauka v SSSR i kontseptsiya istorii feodal’noi Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-e gg.)* [Historian and power. Historical science in the USSR and the concept of the history of feudal Russia in the context of politics and ideology (1930s–1950s).], Izdatel’stvo Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta im. akad. I.G. Petrovskogo, Bryansk, Russia.
- Guzei, Ya.S. (2014), “*Zheltaya opasnost’*”: *predstavleniya ob ugroze s Vostoka v Rossiiskoi imperii v kontse XIX – nachale XX v.* [“Yellow peril”. Visions of Eastern danger in the Russian Empire at the turn of 19th–20th centuries], Ph.D. Thesis, St. Petersburg, available at: <https://dlib.rsl.ru/01007910267> (Accessed 14 October 2020).
- Rybachenok, I.S. (2012), *Zakat velikoi derzhavy. Vneshnyaya politika Rossii na rubezhe XIX–XX vv.: tseli, zadachi i metody* [Sunset of the great Empire. The foreign policy of Russia at the turn of 19th – 20th centuries. Issues, goals and methods], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Ukhtomskii, E.E. (1900), *K sobytiyami v Kitae. Ob otnosheniyakh Zapada i Rossii k Vostoku* [On the events in China. The relations of the West and Russia towards the East], Vostok, St. Petersburg, Russia.
- Yadrintsev, N.M. (1892), *Sibir’, kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii* [Siberia as a colony in the geographical, ethnographical and historical terms], I.M. Sibiriyakov, St. Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Константин А. Медведев, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; mecedvecced@mail.ru

Information about the author

Konstantin A. Medvedev, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 125993, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia; mecedvecced@mail.ru